

Авторитет в сетевом обществе и представления о нём российской молодёжи*

Подлесная Мария Александровна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН.

E-mail: yamap@yandex.ru

Автор статьи поднимает вопрос о роли сетей в трансформации авторитетов современной молодёжи. На основе данных социологических исследований среди школьников и студентов вузов (светской и религиозной направленности) проводится анализ преемственности и изменений круга доверия по мере взросления учащихся. Показано влияние религиозного фактора на выбор авторитета. Делается вывод о том, что круг доверия российской молодёжи сужается, снижается и авторитет церкви. Сложившаяся ситуация, по мнению автора, требует привлечения внимания социологов и других заинтересованных акторов.

Цитирование: Подлесная М.А. Авторитет в сетевом обществе и представления о нём российской молодёжи // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 47–70.

Ключевые слова

авторитет

сетевое общество

кризис власти

национальное государство

российские школьники и студенты

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-011-43046 СССР. Руководитель проекта – доктор социологических наук О. В. Аксёнова.

Authority in Network Society from the Perspective of Russian Youth*

Podlesnaya Maria Alexandrovna,

Candidate of Sociological Sciences, senior research fellow at the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology under the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS).

E-mail: yamap@yandex.ru

The author makes an insight into the issue of networks' role in transformation of modern youth's opinion leaders. Basing on sociological surveys among modern students of secondary and higher educational institutions (both secular and religious), the article provides an analysis of students' circle of trust continuity and variation in the course of their life. The religious factor's impact on choosing an authority has also been demonstrated here. The conclusion is that Russian youth's circle of trust has been narrowing, and the church's authority has been faltering during the recent years. The author recommends raising awareness of sociologists and other concerned actors for the current issues.

Citation: *Podlesnaya M.A.* Authority in Network Society from the Perspective of Russian Youth // National Strategy Issues. 2022. No. 3 (72). P. 47–70.

Keywords

authority

network society

crisis of authority

nation state

Russian students

* The article was sponsored by grant No. 21-011-43046 USSR of the Russian Foundation for Basic Research. The project's head is the Doctor of Sociological Sciences O. V. Axyonova.

Самая заметная черта тех, кто обличён авторитетом, в том, что у них нет власти.

Х. Арендт

Оценивая XX в., Ханна Арендт в эссе «Что такое авторитет?» пишет: «...в современном мире мы имеем дело с одновременным упадком и свободы, и авторитета»¹. Сугубо политический взгляд философа на авторитет позволил ей сформулировать его новую формулу: этот термин стал трактоваться «как чистый случай подчинения без насилия, подчинения, при котором повинующиеся люди остаются столь же свободными, как и вне его. Основной же функцией авторитета в рамках этой концепции стало постоянное обращение в прошлое, поддержание и наращивание традиции и за счёт этого – обеспечение стабильности общества. Стабильности, по мнению Арендт, утраченной вместе с разрушением триады авторитета, религии и традиции»².

Однако вопрос о том, что же в действительности происходит с религией, традицией и авторитетом, остаётся дискуссионным. При этом проблема становится всё более актуальной в условиях стремительно развивающегося сетевого общества, где происходит перераспределение власти (в том числе политической) в отличном от иерархических систем формате³. Под влиянием данных процессов делаются заявки о необходимости создания новой поствеберинской теории власти⁴.

В связи с глобальными потоками знаний в интернете, авторитет теперь не принадлежит кому-то одному, человек является лишь точкой переключения в информационном потоке⁵. Более того, логика организации самой сети такова, что контроль не может быть сконцентрирован в течение длительного времени в какой-либо одной её точке: знание, которое по определению является временным, демократическим путём производится в бесконечном количестве сайтов. Для традиционных религий, например, это имеет весьма

¹ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 151.

² Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 125.

³ Digital Governance: // Networked Societies-Creating Authority, Community and Identity in a Globalized World / Ed. by H.K. Hansen, J. Hoff. Copenhagen: Samfundslitteratur Press, 2006.

⁴ Turner B.S. Religious Authority and the New Media // Theory, Culture and Society. 2007. Vol. 24. No. 2. P. 117–134. URL: <https://doi.org/10.1177/0263276407075001> (дата обращения: 20.02.2022).

⁵ Ibid.

противоречивые последствия. С одной стороны, религиозный авторитет постоянно подрывается и оспаривается⁶, с другой – интернет создаёт новые возможности для миссии, евангелизации, духовного образования и проповеди добродетели⁷.

Помимо этого, сетевизация общества ведёт к популизму, самолюблённости и индивидуализированному харизматическому авторитету в социальных сетях (в противовес «бюрократической железной клетке»), что вызывает одобрение антиавторитаристов. Вместе с тем сам механизм цифрового энтузиазма (*digital enthusiasm*), задействованный при этом, влечёт за собой нестабильность систем и угрозы для демократии по причине своей мимолётности, спонтанности и быстроты угасания⁸.

Тем не менее было бы поспешно утверждать, что сетевое общество полностью переформатировало отношения власти и авторитета, хотя изначально предполагалось, что сетевые структуры могут заменить иерархическую организацию и национальные государства⁹. В действительности мы наблюдаем возникновение в той же сети различных групп авторитетов с разным весом популярности и «лайков» (современной формой проявления признания). Это само по себе указывает на то, что отношения по горизонтали тоже ранжируются. Вместе с тем власть в сетевом обществе может быть не менее авторитарной, поскольку она принадлежит не только пользователям и политикам, но и платформенным капиталистам, которые с лёгкостью могут отключить любого от сети и услуг. Примеры подобной деятельности Twitter, Google или YouTube в последнее время – яркое тому подтверждение. В результате возникает дилемма: с одной стороны, сетевое общество меняет формат коммуникации, с другой – ограничения и контроль власти остаются традиционными.

Об авторитете можно рассуждать с двух точек зрения: как о нормативном понятии и как о моральном явлении¹⁰. Второй ракурс

⁶ *Cheong P.H.* Bounded Religious Automation at Work: Communicating Human Authority in Artificial Intelligence Networks // *Journal of Communication Inquiry*. 2021. Vol. 45. No. 1. P. 5–23. URL: <https://doi.org/10.1177/0196859920977133> (дата обращения: 15.03.2021).

⁷ *Turner B.S.* Op. cit.

⁸ *Gustafsson N., Weinryb N.* The populist allure of social media activism: Individualized charismatic authority // *Organization*. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 431–440. URL: <https://doi.org/10.1177/1350508419828565> (дата обращения: 10.03.2021).

⁹ *Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. III: End of Millennium. Hoboken, NJ: Blackwell Publishing, 2000. 464 p.

¹⁰ *Friedman R.B.* *On the Concept of Authority in Political Philosophy* // *Authority* / Ed. by J. Raz. N.Y.: New York University Press, 1990. P. 56–91.

близок прежде всего к сфере образования, воспитания, социализации, «где необходимость “авторитета” очевиднее, чем где-либо»¹¹. Цель данной статьи – проанализировать роль авторитета среди российских школьников и учащихся вузов, проследив, кто и что обладает этим авторитетом в условиях изменений, связанных с развитием сетевого общества.

Изучение проблемы авторитета в отечественной науке и за рубежом

На сегодняшний день, несмотря на глубокие и древние корни понятия «авторитет», которое привлекало внимание философов и Античности, и Средневековья, и Нового времени¹², можно назвать не много исследовательских теоретических работ по данной теме. В их числе уже упомянутое эссе Х. Арендт и ряд трудов М. Вебера¹³, где тема авторитета, религиозного или политического, является одной из ключевых. Безусловно, подобных исследований могло бы быть больше, но обществоведов чаще интересовали вопросы власти, нежели авторитета (возможно, по причине тесной связи последнего с этикой).

Обзор современной иностранной литературы по теме показывает, что крупных монографий сегодня практически нет, а многочисленные публикации, как правило, продолжают традицию М. Вебера, И. Раза¹⁴, Х. Арендт¹⁵. Например, заимствуется веберовский концепт организационного авторитета (*organizational authority*), который противопоставляется предложенному Ф. Петтитом¹⁶ понятию гражданского авторитета (*citizen's authority*)¹⁷. Отдельные авторы

¹¹ Арендт Х. Указ. соч. С. 181.

¹² Подробнее см.: Марей А.В. Указ. соч.

¹³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». Т. I: Социология. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 445 с.

¹⁴ Иосеф Раз (1939–2022) – израильский философ и правовед, занимавшийся правовой, политической философией и философией морали. Сторонник правового позитивизма.

¹⁵ См., напр.: Haugaard M. What is authority? // *Journal of Classical Sociology*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 104–132. URL: <https://doi.org/10.1177/1468795X17723737>; Muñiz-Fraticelli V.M. The Problem of Pluralist Authority // *Political Studies*. 2014. Vol. 62. No. 3. P. 556–572. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12065> (дата обращения: 25.01.2021); Gustafsson N., Weinryb N. Op. cit.

¹⁶ Филип Ноэль Петтит (Philip Noel Pettit) (р. 1945 г.) – ирландский философ и политический теоретик.

¹⁷ Mik-Meyer N., Haugaard M. The performance of citizen's and organisational authority // *Journal of Classical Sociology*. 2020. Vol. 20. No. 4. P. 309–334. URL: <https://doi.org/10.1177/1468795X19860111> (дата обращения: 27.12.2020).

анализируют работы о политическом авторитете известного немецкого философа Х.-Г. Гадамера¹⁸, который указывает не только на положительное, но и на отрицательное его влияние, замечая следующее: «Поспешность – это подлинный источник ошибок, возникающих при пользовании собственным разумом. Авторитет же, напротив, повинен в том, что люди вообще не прибегают к своему разуму»¹⁹. Таким образом, Х.-Г. Гадамер подчёркивает существенное значение авторитета в области герменевтики и познания. В том же контексте об авторитете размышляет автор деконструкции Ж. Деррида, которого рассматривают как критика власти, бинарных систем, метафизической традиции в философии и соответствующих авторитетных идентичностей²⁰. Понятно, что в обществе сетевой культуры, где происходят стирание идентичности и рост индивидуализма, данные постмодернистские концепции особенно востребованы и порождают определённый запрос на критику любого авторитаризма²¹.

В научной литературе о природе авторитета, его связи с реальностью и свободой упоминается также англиканский священник и богослов Оливер О’Донован²², который рассматривает авторитет в контексте этики послушания и считает его естественным моральным порядком. В рамках католического богословия авторитет также изучается в работе американского теолога Ричарда Гайардеца (Richard R. Gaillardetz)²³.

Тема авторитета больше связана с эмпирическими исследованиями, описывающими сообщества учёных²⁴, в том числе на ранних

¹⁸ Duke C. Cadamer and political authority // *European Journal of Political Theory*. 2014. Vol. 13. No. 1. P. 25–40. URL: <https://doi.org/10.1177/1474885112473722> (дата обращения: 18.12.2020).

¹⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 330.

²⁰ Newman S. Derrida's deconstruction of authority // *Philosophy and Social Criticism*. 2001. Vol. 27. No. 3. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1177/019145370102700301> (дата обращения: 18.12.2020).

²¹ Крамер Дж., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гурзу / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

²² Errington A. Authority and Reality in the Work of Oliver O'Donovan // *Studies in Christian Ethics*. 2016. Vol. 29. No. 4. P. 371–385. URL: <https://doi.org/10.1177/0953946816658718> (дата обращения: 18.12.2020).

²³ Gaillardetz R.R. *By What Authority? Foundations for Understanding Authority in the Church* / 2nd ed. Collegeville, MN: Liturgical Press, 2018. 264 p.

²⁴ См., напр.: Harrits C.S., Larsen L.T. Advice Not Safely Ignored: Professional Authority and the Strength of Legitimate Complexity // *Sociology*. 2021. Vol. 55. No. 5.

этапах современной науки²⁵ и передовых научных областей²⁶, а также гендерный фактор, влияющий на профессиональный авторитет и здоровье²⁷. Она звучит в рамках религиозно-политического и образовательного дискурсов²⁸. В литературе есть упоминание не только о политическом, научном, религиозном, профессионально-трудовом авторитете, но и о журналистском²⁹, шире – медийном³⁰, о сетевом авторитете с точки зрения регионального управления, документооборота и ответственности³¹. При этом нередко под английским *authority* скрывается власть как *power*. Это указывает на то, что в англоязычной литературе данные понятия чаще выступают в качестве синонимов.

P. 1015–1034. URL: <https://doi.org/10.1177/0038038521994029> (дата обращения: 14.04.2022); *Benoit-Barné Ch., Cooren F.* The Accomplishment of Authority Through Presentification: How Authority Is Distributed Among and Negotiated by Organizational Members // *Management Communication Quarterly*. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 5–31. URL: <https://doi.org/10.1177/0893318909335414> (дата обращения: 18.12.2020).

²⁵ *Hellawell Ph.* «The best and most practical philosophers»: Seamen and the authority of experience in early modern science // *History of Science*. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 28–50. URL: <https://doi.org/10.1177/0073275319842425> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁶ *Evans J.* How Professionals Construct Moral Authority: Expanding Boundaries of Expert Authority in Stem Cell Science // *Administrative Science Quarterly*. 2021. Vol. 66. No. 4. P. 989–1036. URL: <https://doi.org/10.1177/00018392211011441> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁷ *Pudrovska T., Karraker A.* Gender, Job Authority, and Depression // *Journal of Health and Social Behavior*. 2014. Vol. 55. No. 4. P. 424–441. URL: <https://doi.org/10.1177/0022146514555223> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁸ *Cearon L., Kuusisto A.* Researching religious authority in education: Political theology, elites' theory and the double nexus // *Power and Education*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 3–24. URL: <https://doi.org/10.1177/1757743818757256> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁹ См., напр.: *Perdomo G., Rodrigues-Rouleau Ph.* Transparency as metajournalistic performance: The New York Times' Caliphate podcast and new ways to claim journalistic authority // *Journalism*. 2021. February, 27. URL: <https://doi.org/10.1177/1464884921997312> (дата обращения: 03.04.2021); *Crete-Nishihata M., Tsui L.* «The truth of what's happening» How Tibetan exile media develop and maintain journalistic authority // *Ibid.* 2021. September, 8. URL: <https://doi.org/10.1177/14648849211044899> (дата обращения: 25.10.2021).

³⁰ *Kantor B.J.* Performing «the authoritative account»: How the BBC's Horizon produces epistemic authority // *Social Studies of Science*. 2020. Vol. 51. No. 3. P. 463–483. URL: <https://doi.org/10.1177/0306312720947181> (дата обращения: 25.10.2021).

³¹ *Paulsson A., Isaksson K.* Networked authority and regionalised governance: Public transport, a hierarchy of documents and the anti-hierarchy of authorship // *Environment and Planning C // Politics and Space*. 2018. Vol. 37. No. 6. P. 985–1004. URL: <https://doi.org/10.1177/2399654418818553> (дата обращения: 15.01.2021).

Подобное многообразие областей, где присутствует и изучается авторитет, а также его близость с понятием власти, может свидетельствовать не только о популярности указанной тематики, но отчасти и о нечётких границах употребления этого термина и размывании его смысла. Скорее всего, данная тенденция обусловлена сетевизацией самого общества и отходом от иерархического понимания власти.

Если говорить об отечественном опыте изучения авторитета, то он представлен в основном статьями. Как ни странно, в советские годы крупных монографических произведений было мало, хотя теме уделял внимание сам В. И. Ленин³² и существовала идеологическая заявка на моральный авторитет и «культ личности». Невысокий интерес к теме сохраняется и в современной науке. Исключением являются уже упомянутая небольшая работа А. В. Мареев и вышедшая в 2020 г. монография политолога В. В. Желтова и социолога М. В. Желтова³³.

О понятии «авторитет»

Авторитет имеет несколько специфических черт. «По происхождению слово и понятие – римские»³⁴, и это важно, так как римское право, а не греческая философия (как обычно) ввело его в оборот³⁵. Именно в Римской империи, где основание «религии» составляли идея Рима как Вечного города и чувство дома и очага как чего-то священного, а «быть религиозным означало быть привязанным к прошлому»³⁶, мог возникнуть концепт авторитета. Для римлян, которые чтили авторитет предков *maiores*, заложивших «основы всего того, что будет потом», важен был прежде всего *auctor*, т.е. автор, идейный вдохновитель, а не *artifex* – строитель, создатель, воплоитель идей. Из этого вытекала ключевая роль прошлого в поддержании авторитета³⁷.

Представления об авторитете вошли в христианство и, как отмечает Х. Арендт, изменили саму христианскую религию в её новозаветном смысле. В качестве примера, подтверждающего данную мысль, философ указывает на авторитет апостолов Христа, который

³² Ленин В.И. Об авторитете руководителя / 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1989. 288 с.

³³ Желтов В.В., Желтов М.В. Авторитет. Понятие, роль в политике и власти. М.: ФЛИНТА, 2020. 152 с.

³⁴ Арендт Х. Указ. соч. С. 157.

³⁵ Слово *auctoritas* происходит от глагола *augere* – приращивать.

³⁶ Арендт Х. Указ. соч. С. 184.

³⁷ Там же. С. 185.

со временем стал формироваться как авторитет «Отцов – основателей» Церкви и передаваться в качестве традиции и предания от поколения к поколению верующих, а также на специфически римскую черту Католической церкви, которая с V в. начала не только свою политическую карьеру, но и продвижение идеи разделения власти и авторитета, оставив за собой последний.

Ещё одной отличительной чертой авторитета можно считать то, что он социален и вне общества не существует, может быть личным, социальным, политическим, религиозным, чаще всего присутствует не в чистом, а в смешанном виде. В зависимости от типа авторитет основывается и на убеждении, что, как утверждает Х. Арендт, характерно в первую очередь для эгалитаристских отношений, и на вере, что свойственно для религиозного и политического авторитета, и на механизме принуждения, когда речь идёт о политическом авторитете, максимально приближенном к власти.

О каком бы типе авторитета ни шла речь, прежде всего это обращение к трём его составляющим: праву делегирования авторитета (можно/нельзя), соотношению свободы мысли и действия субъекта в зависимости от авторитета и степени насилия и подчинения. В итоге на сегодняшний день в отечественной литературе предлагается следующее определение: «Авторитет – это социально признаваемое знание, имеющее своим истоком либо внутрисложенное (социальный/моральный авторитет), либо внеположенное (политический/религиозный авторитет) начало и обуславливающее добровольное подчинение людей, основанное на убеждении или на вере, носителю этого знания»³⁸. Согласно этому определению, упор делается на то, что авторитет зиждется главным образом на знании, на способности вдохновлять. По мнению Х. Арендт, он «не в том, чтобы управлять, иначе говоря, упорядочивать хаос человеческих дел, а в том, чтобы “ярко светить”»³⁹. В дополнение к этому можно заметить, что в современной науке авторитет связывается также с руководством и возникает «из признания неравенства в доступе к истине, опыту или объективности»⁴⁰. Не последним здесь выступает понятие мастерства как способности делать что-то лучше, чем все остальные.

Определённая высокая планка, предъявляемая к авторитету современными и древними мыслителями, такими, например, как Платон, для которого авторитетом способен быть тот, чей образ жизни

³⁸ Марей А.В. Указ. соч. С. 23.

³⁹ Арендт Х. Указ. соч. С. 172.

⁴⁰ Geographies of authority // Progress in Human Geography. 2021. February, 8. URL: <https://doi.org/10.1177/0309132520986227> (дата обращения: 12.03.2021).

выходит за рамки человеческих дел и рутинной повседневности, сейчас заметно снижается. Возможно, это главная причина того, что сегодняшние авторитеты – это не идейные вдохновители, а практико-ориентированные умельцы и успешные люди.

Авторитет в СССР и его рецепция в настоящем

Исследование советского опыта представляется особенно важным. Во-первых, отдельные авторы рассматривают «общественное устройство современной России как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны – носительницы евразийской православной цивилизации»⁴¹. Во-вторых, именно в советском обществе понятие авторитета было одним из значимых.

В СССР неформальное подчинение, а точнее стремление к авторитету, касалось не только политики. Оно пронизывало все сферы советского общества и являлось важнейшим принципом жизнедеятельности и развития социальных отношений. Плеяда авторитетов системно поддерживалась в образовании, науке, культуре и пр. Авторитеты присутствовали в трудовых коллективах (Н. А. Изотов, К. А. Борин, М. Н. Мазай, Е. В. Виноградова, Н. С. Сметанин и многие другие) и среди групп новаторов и изобретателей (организованное в 1932 г. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов – одно из самых ярких и мощных движений советского времени). Авторитет учителя, педагога, учёного, профессионала, мастера своего дела был столь высок, что его воспроизводила как массовая, так и бытовая культура советских граждан. Начальник был не просто администратором – «его профессиональный авторитет абсолютен, и он уважаемый человек, потому что сам всегда живёт и действует в согласии с собственными принципами и идеалами»⁴².

Вместе с тем было бы ошибкой идеализировать советские авторитеты, полагая, что им бездумно следовали и слепо подражали, тем самым исключая любое проявление свободы в СССР. В этом смысле мы сталкиваемся с более сложным и объёмным явлением, которое можно было бы объяснить с позиции акторской парадигмы⁴³. Авторитеты советской системы были скорее ориентирами на воспитание действующего субъекта, способного не столько к дисциплине

⁴¹ Шкаратан О.И. Социальная система, обращённая в прошлое (Часть 1) // Социол. журн. 2015. Т. 21. № 3. С. 89.

⁴² Аксёнова О.В. Парадигма социального действия: Профессионалы в российской модернизации. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 160.

⁴³ Подробнее см.: Там же.

и жёсткому воспроизводству образца, сколько к самостоятельным решениям с опорой на авторитет. Образец в данном случае выступал в качестве идеала (вполне возможно, что и недостижимого) и уже поэтому воспроизводился не как алгоритм. В этом смысле значительная часть советских авторитетов была выразителем прежде всего советской морали, которая, в свою очередь, оценивается отдельными авторами как двухуровневая, как система универсальных принципов и как «этика добродетели»⁴⁴.

При сравнении современного российского общества с точки зрения его морального авторитета с советским отмечается, что сегодня «существует плохо отрефлексированный общественный запрос на изменение субъектов коллективной ценностно-институциональной регуляции, когда вместо их большой иерархии остались лишь сильные низовые социальные связи (семья, трудовой коллектив, соседи и т.п.)»⁴⁵. Такой вывод подтверждается и данными наших эмпирических исследований, результаты которых приводятся ниже.

При этом рост индивидуализма, о котором принято говорить в настоящее время, по мнению В. С. Мартьянова и Л. Г. Фишмана, является «вынужденным механизмом, который обнаруживает невозможность институционального доверия и опоры на устойчивые коллективные структуры, в том числе на государство, переставшее гарантировать фундаментальные идеологические константы совместного бытия людей»⁴⁶. Это отличает современную Россию от советского проекта, где данные константы до определённого момента существовали.

Авторитеты российской учащейся молодёжи

Материалы и методы. Основу исследования составили материалы двух социологических опросов. Один из них проводился в православной гимназии Нижнего Новгорода в 2019 г., другой – «Духовно-нравственная культура российского вуза» – осуществлялся в 2012 и 2018 г. в высших учебных заведениях – светских университетах, а также в духовных семинариях и академиях.

В замеры 2012 г. участвовали столичные вузы и духовные академии (МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Московская духовная академия и семинария). В 2018 г. поле существенно расширилось за счёт включения

⁴⁴ Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Советская мораль: От высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. 2020. № 3. С. 135–145.

⁴⁵ Там же. С. 145.

⁴⁶ Там же.

(в дополнение к столичным) региональных университетов (Тюменский государственный университет, Самарский государственный технический университет, Севастопольский государственный университет) и православных семинарий (Санкт-Петербургская, Донская, Тобольская и Воронежская)⁴⁷.

Основным методом обоих исследований, помимо прочих⁴⁸, был массовый опрос учащихся с помощью формализованной анкеты. Школьники заполняли её самостоятельно в удобное для них время. Сплошная выборка проведённого в православной гимназии исследования составила 313 чел. На этапе анкетирования проверялся ряд гипотез. Из них к теме статьи относятся следующие: 1) авторитет меняется с возрастом, и чем взрослее ребёнок, тем заметнее поиск им авторитетов за пределами ближайшего окружения; 2) с годами происходит переоценка авторитетов и, соответственно, тех качеств, которыми хотелось бы обладать, возникает необходимость в отстаивании собственного авторитета.

Массовое анкетирование студентов светских вузов проводилось с соблюдением квот по полу, возрасту, курсу обучения, направлению получаемой специальности респондентов (естественные, точные/технические, гуманитарные, социальные науки). Опрос осуществлялся с использованием онлайн-анкетирования (прежде всего это касалось светских университетов), а также с помощью интервьюеров у зданий вузов или в лекционных классах (в случае высших духовных школ)⁴⁹.

Выборка исследования среди студентов замера 2012 г. составила 913 чел. (457 студентов вузов светской и 456 вузов религиозной направленности), что в расчёте от генеральной совокупности указывает на ошибку выборки $\pm 4,6\%$ с доверительной надёжностью 95,7%.

⁴⁷ Об этом также см.: *Подлесная М.А., Богдан И.В.* Православная идентичность и патриотизм российских студентов светских и духовных вузов // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 4 (67). С. 181–200.

⁴⁸ В исследовании, проведённом в гимназии Нижнего Новгорода, помимо анкетирования, использовались такие методы, как наблюдение, дневниковый метод, глубинные интервью с экспертами. При изучении вузов и духовных семинарий в замеры 2012 г. организовывались глубинные интервью с руководством вузов/семинарий, профессорско-преподавательским составом. Подробнее см.: *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Козлов И.И.* Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на основании изучения образовательных биографий) // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. 2014. № 4. С. 221–228.

⁴⁹ Подробнее см.: Ценностные ориентации студенческой молодёжи в вузах светской и религиозной направленности // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2016. Т. 16. № 3. С. 559–575.

Выборка замера 2018 г. составила 2977 чел., из которых 2505 учащихся были опрошены в светских университетах и 492 – в семинариях. Высокая репрезентативность данных второго замера (особенно светских вузов) обеспечивалась не только увеличением числа респондентов, но и более точными показателями генеральной совокупности студентов, так как статистика по отдельным вузам стала размещаться в открытых источниках.

Анкета исследования среди студентов включала свыше 50 вопросов, большей частью закрытого типа. Полученные данные были обработаны с помощью пакета статистического анализа SPSS.

Результаты исследования. В ходе анкетирования школьников православной гимназии с 1-го по 8-й класс тема авторитета была представлена несколькими вопросами, один из которых звучит так: «С кого ты берёшь пример?» Этот вопрос предполагал множественные варианты ответа (рис. 1).

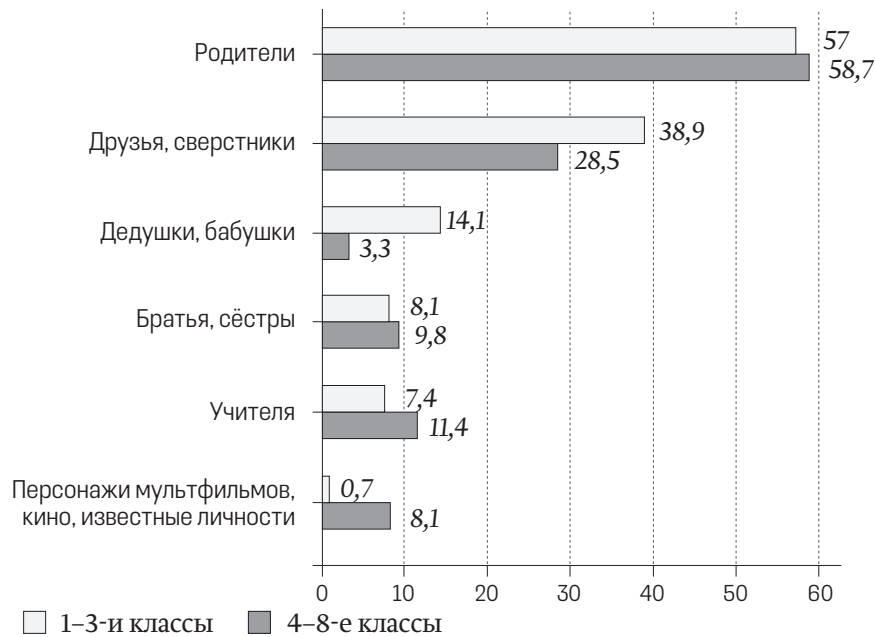

Рис. 1. Ответы школьников на вопрос «С кого ты берёшь пример?», %*

* Представлены позиции, получившие ≤5 %

Источник: результаты социологического исследования, проведённого в православной гимназии Нижнего Новгорода в 2019 г.

Безусловным авторитетом для школьников как младших, так и старших классов являются их родители. Именно с родителей берут пример больше половины учеников. Группу авторитетов

из ближайшего окружения составили также дедушки и бабушки, братья и сёстры, но в значительно меньшей степени, чем друзья и сверстники (эту позицию назвали почти 39 % учащихся младших классов и заметно меньше – 28,5 % – ученики 4–8-х классов). Важно подчеркнуть, что авторитет дедушек и бабушек значим для младших школьников, тогда как для подростков это уже не так.

Из наименее популярных ответов, набравших свыше 5 %, выделяется позиция «Персонажи мультфильмов, кино, известные личности». С них берут пример чуть более 8 % старшеклассников. Авторитет учителя также преимущественно выделяли респонденты этой группы (11,4 %).

На основе полученных данных можно говорить об имеющихся возрастных особенностях. Для школьников младшего возраста главными авторитетами являются прежде всего родители, друзья и сверстники, родственники старшего поколения. У подростков этот круг расширяется за счёт учителей, медийных и популярных персон.

Обращает на себя внимание следующее: несмотря на то, что в православной гимназии такие позиции, как «Бог, святые», «Священник, духовник», казалось бы, должны быть популярны, в опросе они нечасто выбирались в качестве примеров для подражания. Это в одинаковой степени относится как к младшим школьникам, так и к учащимся 4–8-х классов. Подобные наблюдения крайне важны для понимания проблемных мест, в том числе в сфере духовного образования и воспитания. Представляется, что причины такого явления должны стать предметом отдельного изучения.

Студентам также задавали вопросы с целью определения авторитетов и авторитетного мнения, но в несколько иной формулировке. Результаты этого опроса показали, что и в годы обучения в вузе безусловным авторитетом остаются родители и родственники (табл. 1). Вместе с тем фактор духовного образования и православного мировоззрения меняет представление студентов об имеющихся авторитетах. Так, в ответах семинаристов близкий друг уступает позицию духовному отцу, тогда как в светских вузах, ровно наоборот, авторитет друга оказывается в разы более значимым, чем авторитет священника или духовника. Причём наблюдалось это в замеры и 2012, и 2018 г.

В то же время в период с 2012 по 2018 г. произошли существенные изменения в ответах учащихся духовных школ. В частности, они свидетельствуют о формировании нового корпуса авторитетов, в том числе за счёт близкого друга, преподавателя в вузе, учёного (прежде подобные ответы были совсем непопулярными). Обращает на себя внимание тот факт, что с 2012 г. значительно снизился

Таблица 1. Источники авторитетного мнения для учащихся светских и духовных вузов в 2012 и 2018 г., %*

Существуют ли люди, мнение которых для Вас очень важно и ценно? Кто это в первую очередь?	Светские вузы		Духовные вузы	
	2012 г.	2018 г.	2012 г.	2018 г.
	457 чел.	2505 чел.	456 чел.	492 чел.
Родители и родственники	84,5	82,4	87,8	89,8
Близкий друг	72,7	74,1	43,2	52 ↑
Учёный	15,6	21,5 ↑	2,2	8,9 ↑
Писатель, актёр, музыкант	14,2	13,7	2,6	3,6
Преподаватель в вузе	13,2	14,7	1,7	10,7 ↑
Духовный отец, священник	6,1	3,6	80,3	80
Учитель в школе	5,3	5	1,3	1,8
Другое	4,5	4,5	9,2	4,7
Известный, крупный предприниматель	3,4	4,7	0	0,9
Нет, авторитетов для меня не существует	1,9	3,4	0,4	0,4
Президент РФ	1,5	6,3	0,4	4,9
Патриарх Русской православной церкви	2,5	1,8	44,5	18,2 ↓
Затрудняюсь ответить	1,9	0,2	0,9	0,7

* Вопрос с множественными вариантами ответа.

Источник: материалы социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (замеры 2012 и 2018 г.).

авторитет святейшего патриарха среди семинаристов – с 44,5 до 18,2%. Это может быть обусловлено как влиянием соответствующей информационной повестки СМИ, так и реальным падением доверия к патриарху.

Надо заметить, что политические деятели и церковные иерархи в перечне авторитетов находятся внизу списка, и особенно у учащихся светских вузов. Такой выбор можно объяснить тем, что религиозная сфера утрачивает свою политическую составляющую, а публичная – трансцендентный авторитет. Об этом ещё в XX в. писала Х. Арендт, отмечая, что «страх ада уже не относится к тем мотивам, которые движут большинством или могут их остановить»⁵⁰. Отсюда вытекает, что ни политический, ни церковный авторитет сегодня не внушают доверия в том виде, как это было прежде.

При этом симптоматично, что авторитет школьного учителя, который был весьма высок, например, в советский период, в настоящее время практически не признаётся студентами, в особенности духовных вузов. Можно отметить незначительный рост авторитета учёного среди учащихся, но прослеживается данная динамика

⁵⁰ Арендт Х. Указ. соч. С. 207.

в численно небольшой группе ответов. Вполне возможно, что это лишь отклик респондентов на какое-то общественное событие, произошедшее в области науки или среди учёных в период проведения опроса, т.е. ситуативная реакция, – предположение, требующее дополнительной проверки.

Внимание к графе «Другое», где студенты могли предложить свои варианты, весьма высоко – от 4,5 до 9 %. В 80 % случаев таких ответов в качестве авторитета указывались «любимая девушка / молодой человек», «вторая половинка». Анкетой действительно не был предусмотрен подобный вариант ответа, и его указывали студенты как светских, так и духовных вузов.

Наблюдаются существенные различия при сравнении данных по светским вузам на уровне столичных и региональных университетов (табл. 2). Несмотря на то что родители и родственники в ответах студентов в центре и на периферии оказываются безусловным авторитетом, учащиеся из регионов выбирали этот вариант несколько чаще, чем столичные.

Таблица 2. Источники авторитетного мнения для учащихся столичных и региональных вузов в 2018 г., %*

Существуют ли люди, мнение которых для Вас очень важно и ценно? Кто это в первую очередь?	Столичные вузы	Региональные вузы
	973 чел.	1532 чел.
Родители и родственники	82,4	86,6
Близкий друг	74,1	64,3
Учёный	21,5	9
Писатель, актёр, музыкант	13,7	9,2
Преподаватель в вузе	14,7	8,9
Духовный отец, священник	3,6	3
Учитель в школе	5	2,9
Другое	4,5	7
Известный, крупный предприниматель	4,7	3,6
Нет, авторитетов для меня не существует	3,4	4,8
Президент РФ	6,3	5,9
Патриарх Русской православной церкви	1,8	1,5
Затрудняюсь ответить	0,2	0

* Вопрос с множественными вариантами ответа.

Источник: материалы социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (2018 г.).

Результаты исследования также показывают, что круг авторитетов у студентов региональных вузов меньше и, кроме друзей, других авторитетов в общем-то и нет. Ни учёные, ни популярные личности, ни преподаватели в вузе не являются численно значимыми группами, чтобы их можно было признать авторитетом для студентов

региональных вузов. Вызывает беспокойство то, что учитель в школе, так же как и в духовных вузах, не обладает авторитетом у учащихся, а среди опрошенных студентов региональных вузов эта позиция и вовсе меньше ошибки выборки.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что вне зависимости от направленности вуза (духовный/светский) и его расположения (столица/регион) число авторитетов существенно сокращается и выбор становится всё более ограничен узким кругом семьи и друзей. Это даёт основания предположить, что мировоззрение, выбор и решения учащихся формируются исключительно близкими людьми.

В связи с этим представляют интерес ответы на вопрос об окружении респондентов и нормах поведения его представителей – знакомых и однокурсников (табл. 3). Очевидно, что они имеют исключительно личностный характер, поскольку сам вопрос задавался не для выявления соотношения положительных и отрицательных примеров, а с целью определения степени девиации в субъективном восприятии и её изменения во времени.

Таблица 3. Окружение учащихся (светских и духовных вузов) и оценка девиации их поведения в 2012 и 2018 г., %*

Есть ли среди Ваших знакомых или однокурсников люди, воспринимающие как норму...	Светские вузы		Духовные вузы	
	2012 г.	2018 г.	2012 г.	2018 г.
	446 чел.	2499 чел.	358 чел.	470 чел.
Сексуальные отношения вне брака	81,9	74,7	53,3	53
Общение с использованием мата и оскорблений	79,5	82,2	52,8	58,1
Виртуальная, а не реальная жизнь	68,3	69,9	52,8	61,2
Разгульная жизнь (каждодневные пьянки, вечеринки, тусовки в ночных клубах)	75,6	62,4	45	42,3
Связи с несколькими сексуальными партнёрами	60,2	52,2	23,1	28,9
Неумеренное потребление, шопинг	45,3	37,2	29,3	29,5
Сексуальные отношения с людьми своего пола	37,1	40,4	14,8	7,7
Употребление наркотиков	33,9	28,6	14,8	14,6
Нет ответа	2,5	0,6	21,4	4,5

* Оценивалась каждая позиция.

Источник: материалы социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (замеры 2012 и 2018 г.).

В данном случае респондентам был предложен вариант «Нет ответа». Однако совсем незначительная часть опрошенных (особенно светских вузов) воспользовалась этой возможностью ухода от оценки. Если в 2012 г. 21,4 % студентов духовных вузов избежали ответа, то в 2018 г. их доля сократилась в разы. Можно предположить, что за шесть лет студенты семинарий и академий стали смелее в выражении собственной позиции.

Анализ полученных результатов показывает, что учащиеся не только светских вузов, но и семинарий не закрыты от общества, а являются его непосредственной частью, нередко сталкиваясь в своём окружении с примерами отрицательного поведения и даже девиации. Причём специфика вуза, а следовательно, и мировоззрения накладывает отпечаток на то, насколько часто приходится с этим встречаться, оказывая влияние на оценку. Так, студенты духовных вузов в целом меньше замечают различного рода отклонения.

Очевидно, что такие социальные проблемы, как сожитительство вне брака, сексуальная распушенность, разгульная жизнь и пр., связаны прежде всего с культурой и воспитанием. События в стране последних шести лет постепенно меняли картину. Например, в 2012 г. почти 82 % учащихся светских вузов заявили о сожитительстве вне брака как о распространённой практике среди своего окружения. В 2018 г. такой ответ дали уже порядка 75 % опрошенных светских университетов, обозначив тем самым субъективное впечатление, что подобных примеров в их окружении за последние годы стало меньше.

Напротив, использование в общении ненормативной лексики и оскорблений – ещё одна проблема студенческой среды как светских, так и духовных вузов – за шесть лет стало более заметным даже среди семинаристов. Виртуальная, а не реальная жизнь как типичная модель поведения ближайшего окружения респондентов, занявшая третью строчку в популярных ответах, также показывает тенденцию к росту, особенно в ответах учащихся духовных вузов, что имеет непосредственное отношение к теме данной статьи, показывая, как динамично происходят виртуализация и сетевизация общества.

Примечательно, что, начиная с четвёртой позиции (разгульная жизнь, каждодневные пьянки, вечеринки, тусовки в ночных клубах), ответы семинаристов и светской молодёжи существенно различаются. В то же время у студентов как светских, так и духовных вузов заметен позитивный тренд: доля ответов об отклонениях уменьшается, а представления о них становятся менее выраженными. Так, случаи разгульного образа жизни, которые в 2012 г. среди своих знакомых наблюдали 75,6 % опрошенных в светских вузах, в 2018 г.

сократились, по их субъективной оценке, до 62,4 %. Это же касается и других позиций (связи с несколькими сексуальными партнёрами; неумеренное потребление, шопинг; употребление наркотиков). Таким образом, с течением времени происходит, хотя и не быстрое, сокращение девиаций некоторого рода. Предположительно это может быть связано как с реальными изменениями в обществе, так и с тем, что в целом студенты стали меньше замечать девиации.

Данные по светским вузам за 2018 г. позволяют увидеть молодёжную среду в территориальном разрезе – на уровне столичных и региональных университетов (табл. 4). Цифры показывают, что по всем позициям доля замеченных отклонений в поведении выше в столичных, нежели в региональных, вузах. Скорее всего, это вызвано тем, что в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, где велика плотность населения и больше соблазнов, девиантные проявления отмечаются чаще. В регионах студенческая молодёжь также не застрахована от влияния негативных примеров поведения, но в меньшей степени сталкивается с ними в своём окружении. Иначе говоря, студенты столичных вузов находятся в зоне большего риска, чем учащиеся региональных университетов.

Таблица 4. Окружение учащихся светских вузов (столичных и региональных) и оценка девиации их поведения в 2018 г., %*

Есть ли среди ваших знакомых или однокурсников люди, воспринимающие как норму...	Столичные вузы	Региональные вузы
	967 чел.	1532 чел.
Сексуальные отношения вне брака	82,8	69,4
Общение с использованием мата и оскорблений	87,9	78,4
Виртуальную, а не реальную жизнь	73,5	67,4
Разгульную жизнь (каждодневные пьянки, вечеринки, тусовки в ночных клубах)	76,2	53,5
Связи с несколькими сексуальными партнёрами	67,6	42,3
Неумеренное потребление, шопинг	41,2	34,5
Сексуальные отношения с людьми своего пола	60,7	27,3
Употребление наркотиков	44,1	18,7
Нет ответа	0,6	0

* Оценивалась каждая позиция.

Источник: материалы социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза» (2018 г.).

Обратимся ещё раз к данным исследования, проведённого нами в православной гимназии в 2019 г. Проанализировав его результаты, можно проследить изменения, связанные с возрастом. Ответ

гимназистов на вопрос о том, какими качествами им хотелось бы обладать, существенно дополняет сказанное выше. Поскольку опрос проводился в православной гимназии, в списке были представлены качества, которые относятся не только к социальной, но и к духовной сфере. Вводились горизонтальная и вертикальная оси измерения.

На рисунке 2 наглядно показано, как меняются предпочтения тех или иных качеств подростков от младшей школы к старшей. Согласно полученным результатам, с возрастом такая максима, как «любовь к Богу», отходит на второй план, уступая место социально одобряемым качествам, например силе и выносливости. Влияние в данном случае оказывает и то, что с возрастом приходится отстаивать свой собственный авторитет.

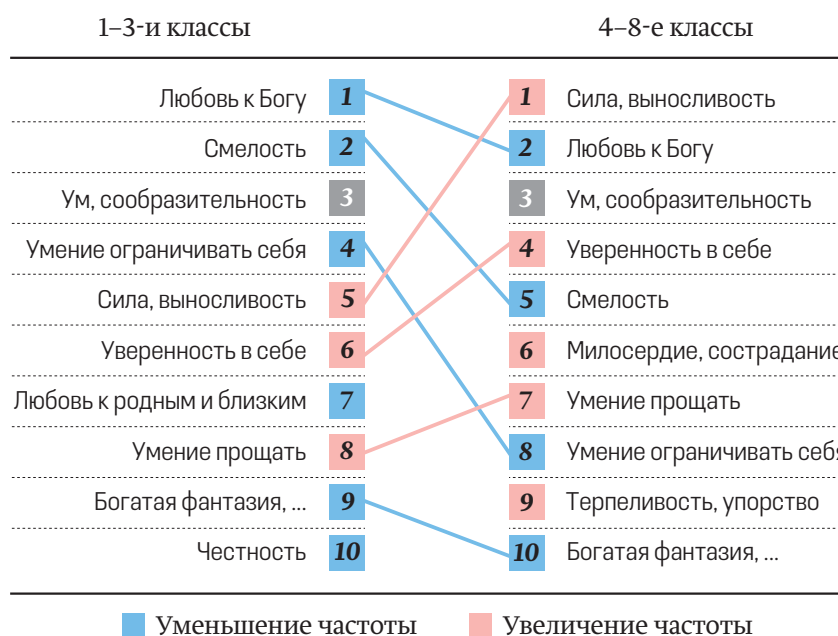

Рис. 2. Ответы школьников на вопрос о качествах, которыми им хотелось бы обладать

Источник: результаты социологического исследования, проведённого в православной гимназии Нижнего Новгорода в 2019 г.

По мере взросления с первых позиций на последние уходит такое качество, как «умение ограничивать себя», вместо этого начинают преобладать «уверенность в себе», «умение прощать». Скорее всего, мы имеем дело с наступающей психологической зрелостью, где «высокие идеалы» уступают место вполне понятным

и социально востребованным качествам, позволяющим подростку взаимодействовать с окружающим миром, познавать себя и свои возможности, реагировать на окружение и тем самым проявлять собственный авторитет.

67 >

* *
*

В современной студенческой среде перестают действовать, казалось бы, незыблемые авторитеты как советского прошлого, так и более широкого исторического контекста (политического и церковного). Сужается не только круг авторитетов до самых близких, но и роль социального окружения, которое в целом, по причине склонности к различного рода девиациям, данные авторитеты не всегда являет. Причём наблюдается это и в светских вузах, и в духовных высших школах. У семинаристов авторитеты выходят за привычные рамки (родители, друзья, любимая девушка), появляется авторитет «духовника, священника», что, безусловно, расширяет круг авторитетного мнения.

В советском обществе были как универсальные принципы, позволяющие всему социуму развиваться, так и определённая «этика добродетели», которая действовала на уровне отдельной личности и давала свой образец (идеал) для подражания. Крах советской системы и характерных для неё общественных связей свидетельствует о том, что где-то эта двухуровневая система моральной навигации дала сбой. Сегодня авторитеты советского прошлого не столько копируются, сколько не воспроизводятся из-за трансформации самой этической и морально-нравственной системы в обществе. Авторитеты современного мира – это скорее мозаичное полотно из разнопоколенческих представлений о добре и зле с акцентом не на «ярко светить», а на умении преуспевать.

Авторитет церкви нельзя признать высоким среди сегодняшней студенческой молодёжи, главным образом по причине снижения доверия к религиозным и церковным догмам. Скорее всего, нынешняя церковь даёт мало ориентиров. Её принципы не столько устарели, сколько не кажутся вполне очевидными для жизни «здесь и сейчас». Во многом этим можно объяснить то, что даже школьники православной гимназии не называли Бога и святых, священников и духовников в качестве авторитетных примеров для подражания.

Несколько пессимистичные выводы смягчает выявленная социальными исследованиями положительная динамика изменений как в социальном окружении студентов, так и внутри учебных коллективов,

особенно в духовных вузах, где учащиеся стали смелее выражать свои позиции и оценивать современную жизнь.

Данная статья является лишь прологом для обсуждения столь важной темы, как сетевизация общества и его авторитетов, которая требует дальнейшей большой проработки.

Список литературы

1. Аксёнова О.В. Парадигма социального действия: Профессионалы в российской модернизации. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. 304 с.
2. Арндт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 416 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». Т. I: Социология. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 445 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Желтов В.В., Желтов М.В. Авторитет. Понятие, роль в политике и власти. М.: ФЛИНТА, 2020. 152 с.
6. Крамер Дж., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гуру / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 408 с.
7. Ленин В.И. Об авторитете руководителя / 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1989. 288 с.
8. Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 148 с.
9. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Советская мораль: От высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. 2020. № 3. С. 135–149.
10. Шкаратан О.И. Социальная система, обращённая в прошлое (Часть 1) // Социол. журн. 2015. Т. 21. № 3. С. 88–104.
11. Benoit-Barné Ch., Cooren F. The Accomplishment of Authority Through Presentification: How Authority Is Distributed Among and Negotiated by Organizational Members // Management Communication Quarterly. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 5–31. URL: <https://doi.org/10.1177/0893318909335414> (дата обращения: 18.12.2020).
12. Cheong P.H. Bounded Religious Automation at Work: Communicating Human Authority in Artificial Intelligence Networks // Journal of Communication Inquiry. 2021. Vol. 45. No. 1. P. 5–23. URL: <https://doi.org/10.1177/0196859920977133> (дата обращения: 15.03.2021).
13. Crete-Nishihata M., Tsui L. «The truth of what's happening» How Tibetan exile media develop and maintain journalistic authority // Journalism. 2021. September, 8. URL: <https://doi.org/10.1177/14648849211044899> (дата обращения: 25.10.2021).

14. Digital Governance: // Networked Societies-Creating Authority, Community and Identity in a Globalized World / Ed. by H.K. Hansen, J. Hoff. Copenhagen: Samfundslitteratur Press, 2006. 349 p.
15. Duke G. Gadamer and political authority // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13. No. 1. P. 25–40. URL: <https://doi.org/10.1177/1474885112473722> (дата обращения: 18.12.2020).
16. Errington A. Authority and Reality in the Work of Oliver O’Donovan // Studies in Christian Ethics. 2016. Vol. 29. No. 4. P. 371–385. URL: <https://doi.org/10.1177/0953946816658718> (дата обращения: 18.12.2020).
17. Evans J. How Professionals Construct Moral Authority: Expanding Boundaries of Expert Authority in Stem Cell Science // Administrative Science Quarterly. 2021. Vol. 66. No. 4. P. 989–1036. URL: <https://doi.org/10.1177/00018392211011441> (дата обращения: 25.01.2022).
18. Friedman R.B. On the Concept of Authority in Political Philosophy // Authority / Ed. by J. Raz. N.Y.: New York University Press, 1990. P. 56–91.
19. Gaillardetz R.R. By What Authority? Foundations for Understanding Authority in the Church / 2nd ed. Collegeville, MN: Liturgical Press, 2018. 264 p.
20. Gearon L., Kuusisto A. Researching religious authority in education: Political theology, elites’ theory and the double nexus // Power and Education. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 3–24. URL: <https://doi.org/10.1177/1757743818757256> (дата обращения: 25.01.2022).
21. Geographies of authority // Progress in Human Geography. 2021. February, 8. URL: <https://doi.org/10.1177/0309132520986227> (дата обращения: 12.03.2021).
22. Gustafsson N., Weinryb N. The populist allure of social media activism: Individualized charismatic authority // Organization. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 431–440. URL: <https://doi.org/10.1177/1350508419828565> (дата обращения: 10.03.2021).
23. Harrits G.S., Larsen L.T. Advice Not Safely Ignored: Professional Authority and the Strength of Legitimate Complexity // Sociology. 2021. Vol. 55. No. 5. P. 1015–1034. URL: <https://doi.org/10.1177/0038038521994029> (дата обращения: 14.04.2022).
24. Haugaard M. What is authority? // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 104–132. URL: <https://doi.org/10.1177/1468795X17723737> (дата обращения: 25.01.2021).
25. Hellowell Ph. «The best and most practical philosophers»: Seamen and the authority of experience in early modern science // History of Science. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 28–50. URL: <https://doi.org/10.1177/0073275319842425> (дата обращения: 25.01.2021).
26. Kantor B.J. Performing «the authoritative account»: How the BBC’s Horizon produces epistemic authority // Social Studies of Science. 2020. Vol. 51. No. 3. P. 463–483. URL: <https://doi.org/10.1177/0306312720947181> (дата обращения: 25.10.2021).
27. Mik-Meyer N., Haugaard M. The performance of citizen’s and organisational authority // Journal of Classical Sociology. 2020. Vol. 20. No. 4. P. 309–334. URL: <https://doi.org/10.1177/1468795X19860111> (дата обращения: 27.12.2020).

28. *Muñiz-Fraticelli V.M.* The Problem of Pluralist Authority // *Political Studies*. 2014. Vol. 62. No. 3. P. 556–572. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12065> (дата обращения: 25.01.2021).
29. *Newman S.* Derrida’s deconstruction of authority // *Philosophy and Social Criticism*. 2001. Vol. 27. No. 3. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1177/019145370102700301> (дата обращения: 18.12.2020).
30. *Paulsson A., Isaksson K.* Networked authority and regionalised governance: Public transport, a hierarchy of documents and the anti-hierarchy of authorship // *Environment and Planning C // Politics and Space*. 2018. Vol. 37. No. 6. P. 985–1004. URL: <https://doi.org/10.1177/2399654418818553> (дата обращения: 15.01.2021).
31. *Perdomo G., Rodrigues-Rouleau Ph.* Transparency as metajournalistic performance: The New York Times’ Caliphate podcast and new ways to claim journalistic authority // *Journalism*. 2021. February, 27. URL: <https://doi.org/10.1177/1464884921997312> (дата обращения: 03.04.2021).
32. *Pudrovska T., Karraker A.* Gender, Job Authority, and Depression // *Journal of Health and Social Behavior*. 2014. Vol. 55. No. 4. P. 424–441. URL: <https://doi.org/10.1177/0022146514555223> (дата обращения: 25.01.2022).
33. *Turner B.S.* Religious Authority and the New Media // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24. No. 2. P. 117–134. URL: <https://doi.org/10.1177/0263276407075001> (дата обращения: 20.02.2022).
34. *Volpi F., Turner B.S.* Introduction: Making Islamic Authority Matter // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24. No. 2. P. 1–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/249726256_Introduction_Making_Islamic_Authority_Matter (дата обращения: 20.02.2022).